

УДК 81'22:119

UDC 81'22:119

**ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЛИКАЦИИ
КЛЕВЕТЫ И УГРОЗЫ
В НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА
И НАИВНОМ ВОСПРИЯТИИ
БЕЛОРУСОВ¹****FEATURES OF EXPLICATION
OF SLANDER AND THREATS
IN THE SCIENTIFIC PICTURE
OF THE WORLD AND THE NAIVE
PERCEPTION OF BELARUSIANS**

А. А. Лавицкий,
кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры языкознания
и лингводидактики Белорусского
государственного университета
имени имени Максима Танка,
заведующий кафедрой правоведения
и социально-гуманитарных дисциплин
Витебского филиала Международного
университета «МИТСО»

A. Lavitski,
PhD (Philology), Assistant Professor,
Postdoctoral Student
of Belarusian State Pedagogical
University named after Maxim Tank,
Head of the Department
of law and the humanities
of Vitebsk Branch of the
International University
“MITSO”

Поступила в редакцию 16.04.2025.

Received on 16.04.2025.

В статье представлены результаты сопоставительного исследования особенностей научного и наивного восприятия клеветы и угрозы как вербальных преступлений. Экспериментальным путем установлено, что в обыденной картине мира клеветническим является текст, в содержании которого имеются маркеры, указывающие на объект речевой агрессии, и лексические единицы с семантикой создания негативного образа или сообщения о совершении преступления. При этом параметр фактологичности зачастую не актуализирован как обязательная характеристика клеветы, особенно в случае личной включенности респондентов в конфликтогенную ситуацию речевого взаимодействия.

При экспликации угрозы как вербального преступления обыденное сознание зачастую самостоятельно «встраивает» в собственное восприятие конкретной конфликтогенной ситуации недостающие для лингвоправовой идентификации статуса угрозы элементы. В частности, это касается признаков соответствия параметру типа действий, то есть отсутствия указаний на конкретный вред, который может быть потенциально нанесен. При личной вовлеченности респондентов в ситуацию речевой агрессии для наивной картины мира значительно снижается актуальность параметра адресованности.

Ключевые слова: научная картина мира, наивная картина мира, лингвистическая экспертиза, угроза, клевета.

The article presents the results of a comparative study of the characteristics of the scientific and naive perception of slander and threats as verbal crimes. It has been established experimentally that in the everyday picture of the world, slanderous text is the text whose content contains markers indicating the object of verbal aggression, and lexical units with the semantics of creating a negative image or reporting the commission of a crime. At the same time, the factuality parameter is often not updated as an obligatory characteristic of slander, especially in the case of personal involvement of respondents in a conflict-generating situation of speech interaction. When a threat is explicated as a verbal crime, ordinary consciousness often independently “builds” into its own perception of a specific conflict situation the elements that are missing for the linguistic-legal identification of the status of the threat. In particular, this concerns signs of compliance with the action type parameter, that is, the absence of indications of specific harm that could potentially be caused. With the personal involvement of respondents in a situation of verbal aggression for a naive picture of the world, the relevance of the targeting parameter is significantly reduced.

Keywords: scientific picture of the world, naive picture of the world, linguistic expertology, threats, slander.

Картина мира (КМ) относится к одной из наиболее значимых исследовательских категорий современного гуманитарного знания. В лингвистике теория КМ как «превращение мира в картину есть тот же самый процесс, что превращение человека внутри сущего в субъекта» [1, с. 53] является достаточно хорошо разработанной и актуализированной в различных ее направлениях. Кроме того, именно в языковании предприняты наиболее продуктивные по-

пытки реконструкции отдельных фрагментов концептуальных представлений в контексте вариативности типологии КМ (например, мифологической, религиозной, художественной и др.) [1, с. 118.]. Интерес в данном аспекте представляет сопоставительное изучение особенностей экспликации фрагментов научной и обыденной КМ [2, с. 224].

В фокус нашего исследовательского внимания попали вопросы научного осмысления вербальных проявлений клеветы и угрозы и их восприятия в наивном сознании личности. Для решения данной исследовательской задачи нами было проведено экспериментальное анкетирование, при выполнении которого респон-

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта БРФФИ Г24-008 «Судебная лингвистическая экспертиза поликодовых текстов в аспекте оценки их деструктивного информационного воздействия».

дентам предлагалось задание, где они должны были выбрать одно или несколько речевых актов, юридически являющихся, по их мнению, в конкретном контексте конфликтогенного речевого взаимодействия угрозой/клеветой. Социологическая выборка интервьюируемых составила 385 человек для каждого анкетирования из всех регионов Беларуси. В совокупности с детализированной картой опроса по половозрастным параметрам и локализации проживания погрешность результатов обработки данных составила 5 %.

Клевета как противоправное деяние наказывается в Республике Беларусь в рамках гражданского и уголовного законодательства, где ее понимание определяется четырьмя идентификационными параметрами: 1) фактологичность, 2) объектный состав, 3) тип информации и 4) канал распространения информации. Это соответствует правовой формулировке клеветы: «распространение заведомо ложных, порочащих другое лицо сведений (клевета) в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи, либо клевета, содержащая обвинение в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления» (ст. 188 УК). Процитированное определение легло в основу задания разработанной нами экспериментальной анкеты.

Анкетирование основывалось на моделировании конфликтогенной ситуации, непосредственным участником которой является сам респондент. Уточняя специфику восприятия клеветы, опрашиваемым предлагалось отметить одно или несколько высказываний, которые юридически могут быть признаны клеветой в следующей ситуации речевого взаимодействия:

Ваш коллега во время общего собрания коллектива публично негативно отозвался о Вашей работе, в частности сказал:

1. Ты, наверное, подворовываешь на рабочем месте, поэтому и доволен / довольна зарплатой.
2. Ты мошеннически зарабатываешь себе на премии и набиваешь карманы нашими деньгами.
3. В твоём подразделении процветает воровство.
4. Ты только и думаешь, как получить премию, да побольше.

Все высказывания на ситуативном уровне соответствовали параметру канала распространения информации, так как являлись компонентом публичного выступления. Обозначенная характеристика имеет факультативный для нас характер ввиду того, что ее идентификация может быть осуществлена органами следствия и дознания [3, с. 148].

Среди приведенных примеров в речевом акте № 1 не выполняется параметр фактологичности из-за использования автором вводного слова *наверное*, субъективизирующего содержание. Второе предложение на лингвоэкспертном уровне идентифицируется как потенциально клеветническое. Третий конфликтогенный микротекст не соответствует параметру адресованности из-за отсутствия в его содержании маркеров, персонализирующих объект речевой агрессии. В последнем примере семантика языковых единиц не реализует умаление образа адресата (*ты*).

Результаты анкетирования (высказывание 1 – 71,2 %, высказывание 2 – 99,5 %, высказывание 3 – 2,6 %, высказывание 4 – 1,3 %) показывают, что при наивном восприятии клеветы включенность опрашиваемых в ситуации конфликтогенного взаимодействия имеет свои отличия, хотя 383 респондента из 385 верно выявили речевой акт, полностью соответствующий лингвоправовым характеристикам распространения потенциально ложных сведений. Логичным видится низкая актуальность параметра фактологичности при наивном восприятии рассматриваемого правонарушения. Уровень игнорирования обозначенной характеристики составляет 71 %, что можно также трактовать как одно из оснований необходимости интенсификации работы по повышению правовой культуры населения. В частности, разъяснения сущностного значения права на мнение и его свободное высказывание.

К конститутивным параметрам лингвоправовой идентификации вербальной угрозы относятся: 1) субъектный состав, 2) темпоральная маркированность, 3) субъектная принадлежность действия, 4) тип действия и 5) адресованность действия объекту. Обозначенные характеристики являются облигаторными для признания соответствия содержания конфликтогенного текста признакам вербальной угрозы и могут быть исследованы в процессе судебного лингвистического исследования, то есть входят в компетентностные возможности эксперта. Исходя из этих положений, в разработанной нами анкете выявления особенностей экспликации вербальных преступлений в наивной КМ предложено задание следующего содержания:

В суде после того, как Вы дали показания, доказывающие виновность А. в совершении преступления, он громко выкрикнул:

1. Я тебе обещаю, что скоро ты ножичек под сердце получишь!
2. Я отсижу и всем исполню свой приговор – расстрел!
3. Ты, гад, от меня свое еще получишь!
4. Все-таки должен тебе кто-нибудь проломить голову!
5. Я тебя еще до суда придушить должен был!
6. Не зря, видно, прибудут тебя скоро!

С точки зрения научной идентификации угрозы в тексте № 1 имеются лингвистические маркеры всех обязательных параметров реализации

угрозы как противоправного деяния. Второе высказывание формально не содержит указаний на объект распространения намерения: потенциально под «всеми» может пониматься неисчисляемая совокупность, в число которой может входить и отвечавший на вопросы анкеты (*все – употребляется как обобщающее слово при перечислении* [4, с. 112]; *все, всех – в полном составе без исключений (о людях)* [5, с. 75]). Полагаем, что именно такая формулировка была наиболее оптимальной в случае проведения судебной лингвистической экспертизы в отношении содержания конфликтогенного текста в обозначенном контексте. Следовательно, решением вопроса об установлении адресата конфликтогенного высказывания скорее всего будет заниматься суд. В третьем речевом акте не эксплицирован тип действия, которое может быть реализовано в отношении объекта коммуникативной агрессии. Четвертый пример не отвечает параметру субъектной принадлежности (в тексте нет указаний, что вред будет нанесен автором или по его непосредственному указанию), пятый – темпоральной маркированности (реализация потенциальной угрозы не эксплицируется в будущем времени), а шестой – параметру субъектного состава (адресант не сообщает, что будет предпринимать какие-либо действия в отношении объекта агрессии).

Анализ результатов второго анкетирования (высказывание 1 – 99,2 %, высказывание 2 – 67,3 %, высказывание 3 – 80,3 %, высказывание 4 – 9,4 %, высказывание 5 – 2,1 %, высказывание 6 – 9,1 %) показывает, что личностная включенность респондентов в конфликтогенную ситуацию оказывает серьезное воздействие на обыденное восприятие угрозы. Так, для опрошенных реальность покушения на их жизни и/или здоровье эксплицируется не только в высказывании, полностью соответствующем лингвоправовым параметрам идентификации рассматриваемого правонарушения, но и в речевых актах, в содержании которых отсутствуют указания на конкретный вид потенциального вреда, а адресованность намерений имеет высокий уровень имплицитности. Например, согласно полученным экспериментальным данным, 309 человек определили, что потенциальную опасность для них реализует содержание высказывания *Ты, гад, от меня свое еще получишь!* Полагаем, что в данном случае респонденты самостоятельно ассоциируют в своем восприятии потенциальные действия адресанта с возможностью получения реального вреда своему здоровью и/или жизни. Другими словами, отвечающим достаточно семантики словосочетания *получить свое* для того, чтобы экстраполировать на себя намерение автора совершить что-то негативное. В данном случае анкетированным не важно, что именно хочет сделать адресант, главное, что это ассоциируется как причинение вреда, ущерба. Таким образом отражается высокая значимость ситуационного контекста

конфликтогенной ситуации, а также когнитивная активность личности в создании целостной КМ.

При личной включенности респондентов в ситуацию, когда потенциально нарушается их собственное субъектное право, обыденное сознание стремится нивелировать фрагментарность действительности, встраивая в КМ гипотетически возможные элементы. На это заключение указывают также и количественные показатели выбора второго варианта ответа в разработанной анкете. 259 респондентам (67,3 %) опасным представляется содержание микротекста *Я отсижу и всем исполню свой приговор – расстрел!*, в котором отсутствует персонализированные данные об объекте выражения намерений. Анкетированные самостоятельно идентифицировали себя как одного из адресатов речевого акта, хотя его содержание не позволяет сделать достоверных выводов о том, к кому же на самом деле обращается автор. Потенциально речь может идти даже не об участниках судебного процесса, а о людях, повлиявших на действия адресанта, которые суд признал преступлением.

Выше границы статистической погрешности находятся и показатели актуальности ответов № 4 (*Все-таки должен тебе кто-нибудь проломить голову!*) и № 6 (*Не зря, видно, прибудут тебя скоро!*), в которых очевидным является только параметр типа действий. И хотя эти показатели в целом свидетельствуют о значимости научной КМ как элемента обыденного восприятия действительности в совокупности с ранее описанными результатами экспериментального анкетирования, они доказывают более высокий уровень значимости ценностей жизни и здоровья, нежели морально-нравственных аксиологических установок. Так, в сравнении с ранее описанными особенностями восприятия оскорбления очевидным является более высокий уровень опасения респондентов за свое физическое состояние: во втором анкетировании при решении первого задания (оскорбления) один респондент в среднем выбирал 2,4 варианта ответа, а при выполнении второй части анкеты – 2,6 варианта. При этом оба вопроса содержали только по одному верному ответу. Таким образом, наличие маркеров о потенциальном негативном воздействии (даже без детализации конкретных действий) дают основания личности игнорировать иные облигаторные параметры соответствия конфликтогенного текста лингвоправовым признакам угрозы.

Таким образом, научное и наивное восприятие клеветы как вербального преступления имеют определенные отличия. Однако результаты анкетного опроса показывают, что научные представления о распространении заведомо ложных сведений находят свое отражение в обыденной КМ. В наивном восприятии клевета идентифицируется при наличии в содержании конфликтогенного текста маркеров, указы-

вающих на объект речевой агрессии и языковых единиц, семантика которых создает его негативный образ или сообщает о совершении им преступления. Распространение потенциальной клеветы не актуализует параметр фактологичности в случае личностной включенности респондентов в конфликтогенную ситуацию.

Выявленные отличия не требуют оперативного внесения корректировок в действующее законодательство, хотя обозначенное игнорирование опрошенными параметра фактологичности дает формальное основание предложить дополнить юридическую формулировку клеветы таким источником ее распространения, как измышления автора. Однако в таком случае могут возникнуть юридические коллизии, главная из которых основывается на конституционном положении о безусловности права личности на выражение мнения.

Серьезные отличия обнаруживаются в наивном и научном восприятии угрозы как преступления, совершаемого вербальным способом. В отличие от лингвоправовой идентификации преступления, где обязательным является наличие в содержании конфликтогенного текста маркеров 5 квалификационных параметров, когнитивные возможности личности позволяют ей самостоятельно встраивать в наивное восприятие действительности недостающие для правового статуса угрозы элементы. В частности, отсутствие указаний на конкретный вред, который мо-

жет быть потенциально нанесен, или его экспликация в имплицитной форме не является достаточным основанием для обыденного сознания, чтобы признать отсутствие в конфликтогенном тексте признаков угрозы.

Проведенное анкетирование показывает, что личностная вовлеченность опрашиваемых в ситуацию речевой агрессии снижает количество идентификационных параметров, достаточных для восприятия речевого акта, содержащего признаки угрозы. Даже в отсутствие маркеров, указывающих на то, что конфликтогенный речевой акт адресован конкретной личности, более 67 % респондентов выбирали соответствующий ответ.

Выявленные расхождения в наивном и научном восприятии угрозы не позволяют дать однозначные рекомендации по корректировке национального законодательства. Исключение отдельных категорий, определяющих обязательность идентификационного параметра, из диспозиций положений действующих правовых норм требует более глубокой проработки. Кроме того, белорусская правовая система достаточно гибко и взвешенно подходит к намерениям нанести вред жизни и здоровью гражданина: в процессе судебного заседания стороны имеют возможность доказать имплицитный характер идентифицирующих угрозу параметров, а при принятии своего решения суд всегда оценивает потенциальные возможности реализовать содержание угрозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибихина. – Харьков : Фолио, 2003. – 503 с.
2. Кубрякова, Е. С. Язык и знание : на пути получения знаний о человеке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
3. Осадчий, М. А. Русский язык на грани права : функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи / М. А. Осадчий. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 256 с.
4. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц : в 2-х т. / Т. Ф. Ефремова. – Т. 1. А–О. – М. : Рус. яз., 2000. – 1210 с.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов и фразеолог. выражений / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М. : ООО «Оникс», 2012. – 736 с.

REFERENCES

1. Hajdegger, M. Bytie i vremena / M. Hajdegger ; per. s nem. V. V. Bibichina. – Har'kov : Folio, 2003. – 503 s.
2. Kubryakova, E. S. Yazyk i znanie : na puti polucheniya znaniy o cheloveke : chasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira / E. S. Kubryakova. – M. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – 560 s.
3. Osadchij, M. A. Russkij yazyk na grani prava : funkcionirovanie sovremennogo russkogo yazyka v usloviyah pravovoj reglamentacii rechi / M. A. Osadchij. – M. : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2013. – 256 s.
4. Efremova, T. F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj : sv. 136000 slovar. st., ok. 250000 semant. edinic : v 2-h t. / T. F. Efremova. – T. 1. A–O. – M. : Rus. yaz., 2000. – 1210 s.
5. Ozhegov, S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka : ok. 100 000 slov i frazeolog. vyrazhenij / S. I. Ozhegov ; pod red. prof. L. I. Skvorcova. – 27-e izd., ispr. – M. : ООО «Oniks», 2012. – 736 s.